

АЛЕКСЕЙ ПЕРТОВ

Гнус

РОМАН

Алексей Пертов

Гнус. роман

«Издательские решения»

Пертов А.

Гнус. роман / А. Пертов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748746-1

Два приятеля, эмигрировавшие из России, едут по делам бизнеса в родной город и встречаются со странным феноменом. Картины местной пятилетней художницы невозможно отличить от работ всемирно известного мастера. Решив, что вместо неё рисует мастер, они пускаются на его поиски, в результате которых попадают в водоворот событий.

ISBN 978-5-44-748746-1

© Пертов А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
1	8
2	11
3	15
4	18
5	21
6	24
7	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Гнус
роман
Алексей Пертов

*Все персонажи и события являются вымышленными
любые совпадения с реальностью случайны.*

© Алексей Пертов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Двенадцать лет назад.

Человек в белом халате наблюдал за двумя серыми крысами в просторной клетке. Одна из них уже минут десять гонялась за второй, пытаясь загнать в угол.

– Ну, давай уже, – сам себе говорил он.

Рукой в резиновой перчатке он прижимал к столу белую крысу, а в другой держал разделочный нож. «Репутация учёного зарабатывается годами, а потерять её можно в одночасье. Выбросьте это из головы, если хотите остаться в учёном мире, – вспоминал он слова профессора». – Да идите вы к чёрту! Если бы Левенгук пёкся о репутации, то микробиология ещё не скоро состоялась как наука. Вся ваша репутация есть обычная трусость и боязнь потерять привилегии!»

В это время крыса в клетке настигла беглянку, вскочила ей на спину и мелко задрожала. Человек поднял руку с тесаком и ударил по шее белой крысе. Голова несчастного животного отлетела в сторону и через несколько секунд на столе образовалась лужица крови.

– Насекомые в профессорских мантиях, гнус болотный... – злобно бормотал он, вытирая тряпкой кровь со стола. – Вся ваша сила только в количестве.

Спустя шесть лет.

Свадьба подходила к концу. В роскошном зале ресторана невеста с женихом танцевали вместе с еле стоящими на ногах гостями. Невеста притянула жениха к себе:

– Может, пойдём уже?

– Подожди, давай с родителями попрощаемся.

Они подошли к столу, за которым сидели презентабельного вида мужчина и женщина, лет пятидесяти.

– Мы уходим, – сказал жених.

Невеста поочерёдно обняла мужчину и женщину:

– Спасибо вам за всё! Это самый счастливый день в моей жизни!

– Смотрите на самолёт не опоздайте, – произнёс мужчина.

– Не опоздаем, – сказал жених, и они вместе с невестой пошли к выходу из ресторана.

– Удачи, – прошептала женщина им вслед.

Молодожёны вышли из ресторана и сели на заднее сидение стоящего неподалёку «Мерседеса». Только они захлопнули дверь, автомобиль тронулся с места. Невеста прижалась к жениху:

– Куда мы едем?

– Отец снял номер в гостинице. Там переночуем, а завтра будем загорать на море.

– У тебя такой добрый папа, – начала она расстёгивать пуговицы на его рубашке.

– Не торопись, – убрал он её руку.

Невеста вздохнула и отвернулась к окну.

Проехав по центральным улицам, машина свернула в тёмный проулок и вскоре остановилась возле небольшого двухэтажного дома, освещаемого одиноким фонарём.

– Приехали, – сказал водитель.

Молодожёны вышли из автомобиля, и он тут же уехал.

Вид отеля никак не соответствовал шикарной атмосфере свадебного торжества: потрескавшиеся стены и в грязных разводах стекла на окнах производили далеко не лучшее впечатление. Жених заметил недоуменный взгляд невесты:

– Мой отец романтик и большой оригинал. Возможно, у них с мамой что-то было связано с этим местом.

Он нажал на кнопку звонка, и ещё не успел убрать руку, как дверь открылась. Перед ними стоял крепкий мужчина в чёрном костюме. Лицо его было обезображено глубоким шрамом, и он больше походил на головореза из гангстерских фильмов, чем на работника гостиничного бизнеса.

– Для нас здесь заказан... – начал было говорить жених, но «головорез», не дослушав, указал на лестницу в фойе, ведущую на второй этаж. Новобрачные вошли в помещение и начали подниматься, а мужчина, выглянув на улицу, тут же закрыл дверь.

Оказавшись на втором этаже, молодая чета сразу поняла, где находится их номер – одна из трёх дверей по коридору была открыта, и к ней на полу выстилалась дорожка из лепестков роз.

– Как мило! – всплеснула невеста руками, и они вошли в номер.

Ничего особенного в нём не было – чисто застеленная кровать, столик с бутылкой шампанского и вазой с фруктами, да ещё букет роз. Невеста закрыла дверь на защёлку, обняла жениха и принялась целовать.

– Люблю тебя, – шептала она, подталкивая его к кровати.

В соседнем номере возле стены лицом к полу лежал мужчина со связанными за спиной руками. Его голова, с длинными, как у рок-музыканта, волосами была зафиксирована в странной конструкции, напоминающей гильотину в миниатюре. Из широко раскрытого рта торчал шариковый кляп. Аристократичные и тонкие черты лица заострились, а глаза выражали ужас – над шеей висел широкий острый нож. В метре за столом сидел человек и глядел в монитор ноутбука. На экране отчетливо виделось всё, что происходило за стеной – два обнажённых тела на кровати слились в сладостных объятьях. В одной руке человек держал брелок как от автомобильной сигнализации.

– Ну, давай уже, – тихо говорил он.

В это время невеста ногтями впиалась в спину жениха:

– Ещё! Ещё!

Жених ускорил темп, тело его содрогнулось, мужчина нажал кнопку на брелоке, и в комнате раздался глухой стук.

1

Наши дни

Бархатное солнце нежно согревало юго-восточное побережье Средиземного моря. В морском воздухе витали ароматы мимозы и лаванды. Лазурный берег... Это место по праву можно назвать райским уголком Европы. Мало кто мог себе позволить здесь отдыхать, а уж иметь свой дом – и подавно.

На террасе белоснежной виллы, окружённой вечнозелёным кустарником, в плетёных креслах сидели мужчина и женщина. Уже не молодые, но ещё полные сил, они идеально подходили друг другу. Оба худощавые и поджарые, со смуглой кожей и приятными чертами лица – они смотрелись прекрасной парой. И если вид мужчины выражал только спокойствие и благодушие, то на лице женщины проглядывала еле заметная тревога.

– Так ты всё-таки завтра едешь?

– Да, дорогая.

Женщина повела плечом и поджала губы. Она не любила отъездов мужа.

Нелюбовь к отъездам мужа у неё зародилась ещё в России, когда они были не Эжен и Аннет Бонне, а Евгением и Анной Могилевскими. В ту пору её муж занимался бизнесом, или, как говорят, «делал деньги». В 90-х годах деньги в России делались легко и практически из воздуха. Банки раздавали кредиты направо и налево, чем пользовались решительные и ловкие люди. Могилевский брал деньги под фиктивные проекты и прокручивал с выгодой для себя: торговал цистернами спирта, вагонами с сахаром и всем тем, на что цены росли с каждым днём. Эти махинации были небезопасны – не один его партнёр по бизнесу тогда заплатил жизнью. Но Могилевский выжил. Провидение уберегло его от бандитских разборок и тюремных стен. Мало того, он сумел сохранить нажитое, вовремя вложив капитал в акции газовых компаний, и теперь мог позволить себе жить на солидные дивиденды не просто достойно, а даже более. По настоянию жены он завязал с бизнесом, и они эмигрировали во Францию, где по её же прихоти сменили фамилию и имена.

Аннет встала из-за стола:

– Пойду искупаюсь, – пошла она к бассейну.

«Когда же у неё это пройдёт?» – любовался Эжен фигурой жены, так и не изменившейся с молодости, хотя её возраст приближался к пятому десятку. Когда Аннет начинала нервничать, ей срочно требовалось принять душ или умыться водой. Эжен надеялся, что размеренная и спокойная жизнь на берегу моря избавит её от тревожности, но Аннет продолжала и здесь переживать по пустячным поводам. «Может, это у неё от неуверенности?» – думал он. Однако иногда Аннет была так решительна, что могла даже повлиять на его дела. Так, она однажды рассорила его с приятелем, с которым они начинали вести бизнес. Аннет заподозрила того в непорядочности. Причиной для подозрений явилась лисья шуба, купленная приятелем для жены. «Он тебя обманывает», – завилла тогда она. Как он ни объяснял ей, что приятель попусту поступает неправильно, тратя свою законную прибыль на дорогие покупки вместо того, чтобы, как он, вкладывать в товар, она стояла на своём, и в результате Женя поверил, что напарник с ним нечестен. Когда он с ним расстался, Аннет ещё долго следила за делами приятеля, а больше за его женой, точно соревнуясь с ними: огорчалась их успехам и радовалась каждому промаху. Одно время он винил себя за тот случай, но теперь, оглянувшись назад, понял, что это была особенность русского бизнеса. Жёны начинающих предпринимателей редко проходили проверку чужим благополучием, попадаясь на крючок банальной зависти, и не одна только его дружба в те времена была принесена в жертву второй половине.

Пока Аннет плавала, Эжен прошёлся по территории виллы. Кругом царил порядок: кустарник аккуратно подстрижен, дорожки посыпаны белым гравием, насос в бассейне рабо-

тал исправно, и только трава на лужайке кое-где торчала клочками, как борода у неопрятного мужчины. «Когда вернусь, надо вызвать садовника», – подумал он и пошёл в дом.

В просторном холле первого этажа было минимум мебели: обитый белой кожей диван да небольшой столик с двумя стульями. Зато стены сплошь увешаны картинами. Разбирающемуся в искусстве человеку достаточно было мимолётного взгляда, чтобы оценить серьёзность коллекции и надолго припасть к ним глазами. Эжен поднялся по широкой витой лестнице и оказался на втором этаже. Там прошёл к себе в кабинет и, усевшись за стол, включил ноутбук. Просмотрев на сайте аукциона результаты последних торгов, сделал на калькуляторе кое-какие вычисления и подошёл к вмонтированному в стену сейфу. Набрал код, открыл дверцу, достал пачку долларов и, завернув её в целлофановый пакет, положил в кейс. «Теперь порядок», – смотрел он в окно на выходящую из бассейна Аннет. Буквально через минуту снизу послышался её голос:

– Эжен, ты узнал, какая там погода?

– Нет.

– Посмотри в интернете. Мне надо знать, какую тебе готовить одежду.

– Какая может быть погода летом в Израиле? Конечно же – жара.

– А ты всё равно посмотри.

Эжен нехотя вернулся к компьютеру. Опека Аннет одновременно раздражала и умиляла его. С одной стороны, он чувствовал себя беззащитным маленьким ребёнком, а с другой – испытывал радость от свободы в бытовых вопросах.

– Тридцать два.

– Я тебе поглажу белые брюки и рубашку с коротким рукавом. Надеюсь, купаться ты там не будешь, и ходи только с головным убором.

– Угу.

Эжен спустился вниз. Аннет на террасе возилась возле гладильной доски. Прислуги в доме не было: Аннет сама неплохо справлялась по хозяйству, и только по необходимости они вызывали садовника и чистильщика бассейна. Эжен вышел со двора и сразу оказался на берегу. Полюбовавшись игрой лучей заходящего солнца на водной глади, разделся и вошёл в воду. В отличие от жены он не любил купаться в бассейне, считая это за грех, когда в двух шагах находилось море. Наплававшись, сидел на золотистом песке, вдыхая горьковатую терпкость морского воздуха. Вокруг не было ни души, и царил покой. Умиротворяющая атмосфера погружала в состояние нирваны, и только дуновения ветерка и шелест волн не давали полностью потерять связь с реальностью.

Скоро уже десять лет, как они с Аннет живут в райском уединении. После напряжённой и полной опасности жизни в России нынешняя воспринималась как заслуженная награда. Покинув родину, они порвали связи со старыми знакомыми, а новыми так и не обзавелись. Да ни ему, ни Аннет они не были нужны; им вполне хватало друг друга. Вести какую-либо деятельность Эжен не хотел. Как это делалось дома, здесь было невозможно, а по-другому он не мог. Да и расстроившая себе нервы за время его накопления капитала Аннет была бы против. «От добра добра не ищут», – думал он. А «добра» у него хватало. Дивиденды от акций, опережая расходы, копились на счетах. Чтобы деньги не лежали мёртвым грузом, Эжен начал покупать картины. Поначалу больше для развлечения, а потом понял, что на этом можно зарабатывать. Но сколько он ни пытался просчитать алгоритм повышения цен на них, у него ничего не выходило. Сделать выгодное вложение в картину было сродни выигрышу в лотерею – за исключением случаев, когда она являлась мировым шедевром. Но такие шедевры были наперечёт, и стоили они баснословных сумм.

Из безмятежного равновесия вывел голос Аннет:

– Эжен, ужин готов!

Он оделся и вернулся на виллу. Воздух на террасе источал манящий запах рыбы. По договорённости с местным рыбаком, он дважды в неделю приносил свежий улов. Видов рыб в Средиземном море водилось бесчисленное количество, и Аннет подолгу обсуждала с ним, как лучше приготовить тот или иной сорт.

– Чем сегодня порадуешь?

Аннет сморщила нос:

– У меня в голове все названия перепутались, но, думаю, тебе понравится.

Рыба и вправду оказалась отменной. «Где бы в России я смог отведать такой вкусности?» – с аппетитом поглощал Эжен очередной морской дар, запивая молодым вином.

Закончив с едой, они ещё долго сидели в молчании. Между ними давно всё было сказано, и им достаточно было просто находиться рядом. Им было хорошо.

И лишь когда на небе начали появляться первые звёзды, Аннет очнулась:

– Что я сижу? Мне же тебе надо вещи собирать. А ты иди уже спать.

Эжен поднялся из-за стола:

– Спокойной ночи, – поцеловал он её в щёку и пошёл в дом.

2

Стюардесса объявила о взлёте, и вскоре самолёт взмыл в небо. Первые минуты полёта в салоне стояла тишина, но как только лайнер набрал высоту, пассажиры оживились. С заднего ряда кресел послышалась русская речь:

– Когда всё закончилось и я собрался уходить, она говорит: «Спасибо за покупку. Приходите к нам ещё».

– И в чём здесь цимес?

– А в том, что до того, как стать проституткой, она работала кассиром в супермаркете. Дружный взрыв смеха пронёсся по салону.

Эжен включил вмонтированный в кресло телевизор, надел наушники и погрузился в незамысловатую комедию.

Самолёт летел в Израиль. Последние два года Эжен часто посещал землю обетованную. В первый раз там оказался по поводу пустячной операции, сделанной ему в клинике Тель-Авива. После операции нужно было через неделю показаться врачам, и, чтобы не мотаться из страны в страну, провёл время в походах по антикварным лавкам. К этому времени он уже интересовался картинами, и в его арсенале было несколько работ перспективных художников. Покупателей на старые вещи в магазинах практически не было, и каждый вошедший туда становился объектом пристального внимания со стороны работников. Рассматривая пыльные полотна в очередной лавке, Эжен заметил не просто интерес на лице продавца, а глубокий мыслительный процесс:

– Скажите, пожалуйста, мои глаза меня не обманывают? Женя, это ты?

Эжен взглянул в лицо продавца, и брови его поползли вверх:

– Граба?!

– Он самый!

Вот уж кого Эжен не ожидал встретить. Александр Грабер, приятель ранней молодости, лет двадцать как эмигрировал в Израиль и, по слухам, перебрался в США. За два десятка лет он почти не изменился – такие же выющиеся волосы, только слегка посеребрённые сединой, что придавало солидности, нос картошкой, торчащие хрящевинные уши, говорящие о большом запасе здоровья, и одновременно озорные и пронизательные глаза.

– А я слышал, что ты в Америке.

– Происки бывшей супруги, – махнул Граба рукой.

Он повесил на двери табличку «Закрето», достал из-под прилавка початую бутылку виски и заговорщицки подмигнул:

– Ну что, старик, по маленькой?

Приятель устроили из витрины импровизированный стол, на котором кроме виски появилась ещё и банка с маслинами, припасённая заботливым Грабой, и принялись вспоминать былое. За разговорами, подогреваемыми скотчем, Эжен поделился своим желанием заняться торговлей картинами.

– Дело это непростое, – задумался Граба. – Вокруг него вьётся туча неудавшихся художников, возмнивших себя критиками. Гнус, одним словом... Заумными словами вызывают у людей ощущение несчастья, пока те не купят какую-нибудь второсортную мазню за хорошие деньги. И никого к этому делу не подпускают.

– Выходит, дело не стоящее?

Граба задумался:

– Как сказать... Есть у меня одна идея, но для её реализации нужно время и хороший капитал.

Узнав, что время и капитал у Эжена имеются, и тот даже готов взять его в долю, Граба воодушевился:

– Всё гениальное – просто! Люди охотно покупают тогда, когда видят, как покупают другие и при этом цена растёт.

– И как это можно сделать?

– Покупать у самого себя.

Суть идеи была и вправду проста – анонимно выставлять на аукционе картины и самому у себя их покупать. И так несколько раз подряд, каждый раз повышая цену, пока не клюнет настоящий покупатель.

– Наглядный пример, – поднял вверх указательный палец Граба, – в сто раз сильнее, чем любые увещевания гнусавых критиков.

Задумка Эжену понравилась, и они ударили по рукам. По рекомендациям Грабера, неплохо разбирающегося в рынке живописи, он приобретал подходящие картины, и тот через аукционы и подставных лиц взвинчивал на них цены. Желающих быстро заработать людей хватало. Видя, как стремительно растёт цена, они попадались на нехитрую уловку. Грабер действовал осторожно: ни один из клиентов аукциона, купивший втридорога незатейливую работу, не заметил подвоха, полагая, что в ближайшем будущем обязательно останется в выигрыше. Поначалу Эжен относился к аукционным махинациям как к приятному развлечению, но постепенно прибыль становилась больше, и теперь не только покрывала далеко не дешёвое проживание на Лазурном берегу, но и пополняла банковский счёт. Схема была отработана до мелочей, и необходимости ездить каждый раз в Израиль не было, однако Грабер предпочитал свой процент наличными, и поэтому после очередной сделки Эжен сам вёз ему гонорар.

Просмотрев подряд две комедии, он не заметил, как пролетели четыре часа и самолёт произвёл посадку в аэропорту Тель-Авива.

В зале встречающих его ждал Граба:

– Женя, – растягивал он слова, – как прошёл полёт? Всё хорошо?

– Нормально.

– Ну и отлично.

Они вышли из здания аэровокзала. Обычно сразу ехали в отель, где «подбивали» денежный баланс, но сегодня Грабер пригласил к себе:

– Женя, у меня случилась радость – я купил квартиру в Тель-Авиве! И ты обязательно там должен побывать.

До недавнего времени Граба жил в Хадере, в пятидесяти километрах от второго по величине города Израиля, и мечтал перебраться в Тель-Авив. «Пять лет каждый день трачу три часа на дорогу, – жаловался когда-то он Эжену. – Это же сколько полезного можно за всё это время сделать!»

– Так что, значит, с новосельем?

– Как приятно слышать знакомые слова! По-местному новоселье будет ханукат а-байт. Пойдём быстрее, а то Стелла уже заждалась.

Граба взял такси, и через полчаса на пороге современного здания в центре города их радушно встречала приятной наружности женщина с еле заметными восточными чертами лица:

– Здравствуйте, Эжен! Наконец-то я вас увидела. Саша так много о вас рассказывал! – Стелла, жена Грабера, как и он, приехала из России и хорошо говорила по-русски:

– Проходите, – пропустила она вперёд приятелей.

В огромной светлой квартире ещё стоял запах ремонта и новой мебели. Знающий толк в дорогих вещах Эжен оценил обстановку:

– Даже очень недурно. Рад за вас.

– Спасибо! – в унисон сказали Граба и Стелла и, посмотрев друг на друга, рассмеялись.

Посреди просторного холла возвышался сервированный стол.

– Саша, покажи гостю, где вымыть руки, – пошла Стелла на кухню, откуда доносился запах чего-то жареного.

Эжен умылся в сверкающей чистотой ванной комнате, и когда вошёл в зал, в центре стола появилась огромная тарелка с грудой запечённых куриных ножек. Они сели за стол. Грабер наполнил бокалы коньяком:

– За благополучие, – поднял он свой фужер.

– И за знакомство, – добавила Стелла, глядя на Эжена. – Можно я буду вас называть Женей?

– Ради бога.

Послышался звон бокалов, а затем кряканье Грабы:

– А, хорошо-то как! – вытирал он рукавом рот.

Стелла укоризненно посмотрела на него.

– Дорогая, здесь все свои. Мы с Женей люди давно проверенные.

– Вот и веди тогда себя прилично.

Коньяк, под салаты и жареную курицу, приятно разливался по телу, навевая нейтральные разговоры, свойственные малознакомым людям: о погоде, об экономических кризисах и прочих неподвластных простому обывателю вещах, отчего они были если не бессмысленны, то явно не практичны. И только когда была выпита вторая бутылка, Грабер заговорил о деле:

– Похоже, наш бизнес кончился, Женя.

– Это почему?

– Один из клиентов недавно пытался продать нашу картину, и гнусавые критиканы подняли его на смех. Мало того, они ещё расписали об этом в своих паршивых журналах: мол, не доверяйте аукционам и всегда обращайтесь к знающим специалистам – то есть к ним. И если это дело всплывёт, то нам сделают нехорошо.

Он сказал это так просто и непринуждённо, словно сообщил о лёгком насморке, и Эжен не сразу принял всерьёз, зато Стелла заёрзала на стуле:

– Саша, ты шутишь?

– Да уж какие шутки, когда дело касается благополучия.

Стелла, обхватив лицо руками, завздохала:

– Господи, за что? Только всё стало налаживаться... – качала она из стороны в сторону головой.

– Спокойно, лапочка, с тобой Саша Грабер! – встал он и нетвёрдой походкой направился на кухню.

Вернулся с очередной бутылкой коньяка.

Стелла напряглась:

– Саша, может, хватит? Сейчас опять будешь околесицу нести. Что о тебе Женя подумает?

– Дорогая! Ты ничего не смыслишь в бизнесе! Это очень тонкий творческий процесс. Искусство. Сиди и не мешай.

Он открыл бутылку и наполнил бокалы:

– У меня родилась превосходная идея, и за это надо выпить, – и, не дожидаясь остальных, опрокинул в рот коньяк. – От добра добытым обманом счастлив не будешь, – заговорил он тоном священника на проповеди. – Настало время добывать кусок хлеба честным путём.

– Ну вот, началось... – поднялась из-за стола Стелла и ушла на кухню.

– Что за идея-то? – очнулся Эжен.

– Про-из-вод-ство! – отчеканил Граба.

– Что?!

– Да, Женя, представь себе, производство. И знаешь чего? – понизил он голос.

– Фотокартин. Только никому ни слова. Тсс, – приложил палец ко рту и вовсе перешёл на шёпот, – золотое дно...

Эжен смотрел на него и не мог понять, шутит тот или нет. А тем временем Граба поднялся из-за стола и, прихватив бутылку с коньяком, пошёл в другую комнату, таинственными жестами приглашая за собой. Повинуясь загадочным знакам, Эжен последовал за ним. В комнате, где они оказались, на столе из резного дерева стоял включённый ноутбук. «Вот, – подойдя к нему, сказал Граба, – сейчас сам убедишься», – и открыл страницу, на которой был изображён какой-то сложный механизм.

– Что это?

– Оборудование для изготовления модульных картин, – сделал Граба глоток прямо из бутылки. – Ты на себестоимость продукции взгляни.

Эжен нашёл глазами цену, в которую, по словам производителей станка, обходится изготовление одной картины, и пожал плечами – она ничего ему не говорила.

– А теперь смотри сюда, – открыл Граба сайт с предложениями продаж фотокартин.

Брови Эжена поползли вверх: розничная цена одной картины была почти в три раза выше её себестоимости.

– Вот-вот, и я про то же, – заметил его реакцию Граба. – Только надо ещё немного на багет накинуть.

– Сколько стоит оборудование?

– Ерунда. При хорошем раскладе окупится за месяц. А потом, – загорелись его глаза, – мы будем только получать!

Предложение Грабера захватило Эжена. Остаток вечера они провели в обсуждении деталей нового предприятия, обильно сдабривая его коньяком. И только ближе к полуночи, когда всё было обговорено, изрядно пьяный Граба заявил, что для коммерческого успеха нужны оригинальные сюжеты картин, и за ними надо ехать в Россию. Услышав это, Стелла завелась:

– Что, по своим старым подружкам соскучился?! Никуда ты не поедешь! Оригинальными сюжетами вся барахолка в Тель-Авиве завалена.

– Стелла, во-первых: ты ничего не понимаешь в сюжетах, во-вторых: в России картины стоят копейки... И в-третьих, самое главное – это всё для нашего благополучия!

Они долго препирались, и наконец Стелла сдалась:

– Ладно, езжай, только вместе с Женей.

– Вот так, старик, – смотрел печальными глазами Граба, – ты тоже едешь.

3

Эжен проснулся сидя в кресле. Голова налилась свинцом, в глазах рябило, а во рту стояла сухость, как после наркоза. Оглядываясь по сторонам, долго не мог понять, где находится. Но всё же наконец вспомнил, что в гостях у Грабера. Он пошёл в ванную комнату и первым делом посмотрел в зеркало. На него глядело опухшее продолговатое лицо с правильными чертами, вполне интеллигентного вида, с красными глазами и тёмными кругами под ними, что неискушённый человек вполне принял бы за последствия напряжённой умственной работы. «Ну и рожа», – умылся он холодной водой и вернулся обратно в комнату. Память кусками выдавала вчерашние события: они много пили, ели курицу, затем затеяли новое дело с картинами и договорились ехать в Россию за кедровым орехом. «Почему за орехом? – думал Эжен. – А, когда Граба уговаривал жену отпустить его, говорил, что в его городе повсюду растут кедры и шишки валяются под ногами. – Собирай не хочу! – брызгал он слюнями. – А у нас за килограмм орех тридцать долларов дают». Убеждать хитрый Граба умел. Эжен даже и не заметил, как согласился не только на новое дело, но и на поездку. И вот: ещё вчера жизнь его была размеренна и предсказуема, а сегодня в неё вплелась неопределённость и он должен куда-то ехать непонятно зачем. Однако нелепость ситуации не только не беспокоила, но и даже интриговала. «Производство? А почему бы и нет?» – думал он.

– Ну, ты как? – крадучись вошёл в комнату Граба с двумя бутылками пива в руках. – Давай, пока Стелла не проснулась, – протянул он пиво.

Эжен что-то промычал, взял бутылку и залпом её опустошил. То же сделал и Граба:

– Всё, теперь до родины ни капли, – спрятал он пустую тару за диван.

Прохладная жидкость вмиг развеяла туман в голове, навела резкость в глазах, и Эжен встрепенулся:

– Что, прямо так и едем?

– Почему прямо так? Сегодня тебе визу сделаем, а завтра и поедем.

У Эжена пронёсся холодок в груди: «А как же быть с Анной? Что ей сказать?». От неприятных мыслей отвлёк повеселевший Граба.

– Эх, Женька! Нам ли быть в печали! Счастье вдруг, в тишине... – начал напевать он.

– Что, уже угостился с утра? – появилась в дверях Стелла. – Доброе утро, Женя.

– Дорогая, умоляю тебя, это от большой радости, – тараторил Граба. – Такое дело затеяли!

Такой заводик построим!

– Свечной в Самаре? Подвиги отца Фёдора покоя не дают? Если бы не Женя, то я бы тебе и подумать не позволила ни о каких заводиках, – ушла она на кухню и загремела посудой.

– Она у меня строгая... Ты бы свою дорогую известил, что едешь, а то чтобы как с маленьким Лёшей не вышло.

И он вспомнил историю из своей бурной молодости. Был у него приятель Лёша, невысокого роста, за что его прозвали Тотошей. Он долго не работал, и, чтобы родители не ругались, сказал им, что устроился на завод. С утра уходил из дома, целый день слонялся по улицам, а вечером усталый возвращался якобы после смены. На третий день «работы» ему повстречался Граба с бутылкой водки, желанием выпить и полными карманами денег. Тотоша предложил поехать к знакомым проводницам, готовящим вагоны к поездке. Проводницы оказались компанейскими – после одной бутылки была вторая, третья... В общем, очнулись они в вагоне под стук колёс. Поезд уже давно шёл в Москву. Лёша впал в депрессию – что подумают родители? На одной из станций они дали им телеграмму.

– Представляешь? Человек ушёл на работу без копейки в кармане и не вернулся. А через два дня приходит телеграмма: «Мама, не волнуйся, я в Москве. Скоро буду. Лёша», но почему-

то из Красноуфимска, – хохотал Граба. – Ладно, идём завтракать, а после я съезжу к дяде Руве, он поможет сделать визу.

События начали набирать оборот. После завтрака из запечённых помидоров с сыром Граба забрал у него паспорт и куда-то ушёл. Тотчас позвонила Аннет и взволнованным голосом сказала, что ей приснился сон, будто могилу её прабабушки сравнивает с землёй бульдозер, и что она собирается лететь в Россию.

– Послушай, это всего лишь сон, – пытался её успокоить Эжен.

– Да, но это мой сон, и пока я своими глазами не увижу, что на могиле всё в порядке, не успокоюсь, – твердила она.

«Совсем, что ли, чокнулась?» – подумал Эжен, и ему пришла в голову гениальная мысль:

– Сиди дома, я сам съезжу и всё проверю, – и, выслушав поток благодарностей, отключил телефон.

Волей случая вопрос с Аннет был решён.

Стелла, узнав, о чём шёл разговор, сказала, что сон хороший: сулит выгоду и счастливые перемены в жизни. Чтобы не терять времени даром, Эжен сел за ноутбук и принялся изучать информацию по фотокартинам. Только он погрузился в расчёты, как появился Граба с бланком в руках. Стелла было набросилась на него с вопросами о дяде Руве, но тот только махнул рукой и, попросив Эжена расписаться в бланке, снова исчез. Стелла начала жаловаться на мужа, каким он порой бывает грубым и невнимательным. С Грабы перешла на дядю Руву, затем на тётю Цилю и, казалось, словесному потоку не будет конца, так что у Эжена, запутавшегося в непривычных именах и в том, кто кому и кем приходится, пошла голова кругом и перед глазами появился лёгкий туман. Он потерялся во времени, и только кивал головой. От наваждения спас подоспевший Граба:

– Что, нагрела Стелла голову? Это она умеет... Пойдем, – увлёк он его в другую комнату. – Ну вот, виза готова, – издали показал он какие-то бумаги, – правда, на тридцать дней, но думаю, что этого хватит.

«На тридцать дней?» – недоумевал Эжен:

– Ты что, собрался в Томске все картины скупить?

– Ох, Женька, ты как сказал про Томск, так у меня внутри загло, как после первой стопки!

И, точно соскучившийся по зрителям конференсье, с жаром принялся рассказывать истории из жизни в родном сибирском городке.

– Помню, как во времена «сухого закона» мы к цыганам за водкой ездили на деньги доверчивых студенток. За углом постояли, грязью ботинки измазали, а студенткам сказали, что цыгане нас обманули, – залился он смехом.

– Что, по шиксам своим соскучился? – послышался Стеллин голос.

– Стеллочка, не строжься, дорогая, я давно не такой! – И понизил тон: «Она у меня ещё и слышит хорошо. Слушай ещё: однажды пришли в ресторан, а там свадьба...»

Истории со скоростью пулемёта сыпались одна за другой; он точно перенял эстафету у Стеллы, и у Эжена снова появился перед глазами туман. Рассказчик Граба был великолепный; он упивался самим собой, раздуваясь от важности и заразительно смеясь после каждой истории и, судя по его напору, продолжаться это могло до бесконечности.

– Кушать готово! – послышался голос Стеллы.

Граба, сладко потягиваясь, поднялся с дивана:

– Пойдём перекусим.

После плотного обеда Граба опять куда-то ушёл, а так и не до конца пришедший в себя от вчерашнего застолья Эжен задремал на диване. Когда очнулся, первым делом увидел Грабера, перебирающего какие-то бумаги:

– Ну вот: виза, билеты, гостиница, всё готово, – бормотал он. – Тебе вещей бы в дорогу прикупить, а то Сибирь не Израиль, где круглый год можно в шортах ходить.

Остаток дня они делали необходимые для поездки покупки, а ближе к вечеру вновь сидели за накрытым столом. За ужином Эжен пытался было обсуждать предстоящий бизнес, но Граба отмахнулся:

– На месте разберёмся.

Расчётливому Эжену такое отношение к делу было не по душе. Однако он спокойно воспринял слова Грабы. Тот всегда отличался способностью к импровизации и хорошо ориентировался в любой ситуации. В этом ему помогло увлечение музыкой, где требовалось нестандартное мышление. «Он неплохо бы мог подняться в девяностые годы, если бы не музыка», – думал Эжен.

С детства Граба мечтал стать барабанщиком – играл в школьных группах, ресторанах, ездил по свадьбам и на гастроли от местной филармонии. Однако больших успехов не достиг: атмосферы для творческого роста в провинциальном городке не было, и все начинания заканчивалась банальной пьянкой. Граба потихоньку начал спиваться, и только эмиграция в Израиль спасла его от падения на дно. Эжен в молодости тоже болел музыкой, но из исполнителя вовремя переквалифицировался в торговца аппаратурой, бывшей тогда в жутком дефиците, а попросту – в спекулянта. Тогда-то их пути разошлись, и они даже стали идейными врагами. «Барыга ты, Женька, а не музыкант», – укорял его Граба, на что тот только снисходительно улыбался.

После ужина Эжен позвонил Аннет и сообщил, что завтра вылетает в Москву. Стелла осталась убирать на кухне, а компаньоны новоиспечённого дела отправились спать: время отправки рейса было раннее.

4

Прятели проснулись, когда на улице только начало светать. Стелла, накормив их завтраком, вместе с ними поехала в аэропорт. Всю дорогу она пыталась Грабу:

- Саша, я же не ошибаюсь, ты человек благоразумный?
- Дорогая, умоляю тебя. Всё будет хорошо.
- Без фиглей-миглей?
- Стелла, ну какие фигли-мигли? Мне уже шестой десяток пошёл.

Эжен с интересом наблюдал за ними. «Какие же женщины одинаковые, – думал он, вспоминая, как Аннет переживает перед его отъездами. Только в отличие от Стеллы Аннет держала волнение в себе, и лишь по тому, сколько раз залезала в бассейн, он понимал, какие страсти бушуют у неё в душе.

Перед выходом на посадку Граба получил ещё одно наставление:

- Помни, что ты гражданин Израиля и еврей.
- Конечно, дорогая! – скривился Граба в неестественной улыбке.

Уже на борту самолёта он разразился монологом:

– Интересное дело: как лететь в Россию, так я еврей, а как пришли в синагогу – так веду себя не как еврей. . . . Я запутался, кто я на самом деле. Тесть первой жены был татарин. Трезвый он ещё ничего, а как напивался, так хватался за топор и бегал за мной с криком: «Ненавижу евреев!». Я думал, что хоть здесь буду своим. Когда приехал, первым делом пошёл к бывшим томичам, кого раньше знал, и ничего не понял: они вроде русские, но в то же время не русские. Говорят с какими-то вывертами, так, что ничего не поймёшь. Думал, привыкну, но нет. . . – вздохнул он. – Настоящий иудей – кто с молоком матери традиции впитал. А выходцев из России за евреев здесь по большому счёту не считают. Так и живу каким-то инопланетянином.

Нарастающий шум двигателя прервал исповедь, и самолёт тронулся с места. А когда взлетел и набрал высоту, приятели впали в полётную дрему. Полёт прошёл хорошо, за всё время не попалось ни одной воздушной ямы, и из полусонного состояния их вывела молоденькая стюардесса: осторожно потрепав за плечи и одарив улыбкой, она сообщила о готовящейся посадке. Лайнер пошёл на снижение, и вскоре шасси коснулись взлётной полосы.

– Здравствуй, Москва! – пробивал голос Грабы шум аплодисментов пассажиров. – Ну, ты как? – хлопал он Эжена по плечу.

– Нормально.

Что испытывал Граба, Эжен не знал, но лично у него, встреча со страной где он не был десять лет, никаких чувств не вызвала. Он был лишён привязанности к местам; его интересовали только деньги и комфорт.

После прохождения таможенных процедур компаньоны, покинув международную зону, оказались в помещении местной авиакомпании.

Рейс до Томска был через шесть часов. Коротая время, приятели прохлаждались в кафе и прогуливались по магазинам аэропорта.

– На обратной дороге остановимся в Москве на пару дней, – заявил Граба, – у меня здесь столько всего было! – И опять принялся рассказывать истории.

Эжен было пытался заговорить с ним о деле, но тот лишь отмахнулся:

– На переездах дела не решаются.

До вылета они побывали в трёх кафе, обошли почти все бутики и обменяли немного долларов на рубли в местном обменном пункте. Граба выразил недовольство обменным курсом, назвав его грабительским, оскорбительным и даже преступным:

– Даже дядя Моша таких цен не ломит, – возмутился он.

Остальные деньги решили менять в Томске, предусмотрительный Граба заранее узнал предложения местных банков и, хотя разница составляла три рубля, упускать даже такую выгоду он не хотел. «А когда-то меня барыгой называл», – с ухмылкой смотрел на него Эжен.

Наконец диктор объявила о начале регистрации на рейс до Томска, и вскоре они вновь были на борту самолёта.

Томск, родина компаньонов, был провинциальным сибирским городком, основанным в 1604 году казаками по просьбе татар для защиты от киргизов. В течение нескольких веков являлся местом ссылки каторжан. Основным занятием жителей были грузоперевозки: через город проходил Сибирский тракт, по которому можно было добраться до самого Китая. А также взимание с проезжих необременительной пошрины – исключительно для того, чтобы познакомиться с местным колоритом. В пору развития РЖД Томск мог стать центром Сибири, но, по одной из городских легенд, из-за жадности местных купцов, давших взятку, чтобы строительство железной дороги обошло город стороной, он превратился в общественно-культурный аппендикс. И только основание в 1878 году университета спасло Томск от неминуемой деградации, внося десятитысячную армию студентов.

После четырёх часов полёта самолёт пошёл на снижение, и в иллюминаторе можно было разглядеть пригородные дома, рядом с которыми копошились люди. С высоты дома казались игрушечными, а люди – букашками. Граба заёрзал в кресле:

– Ты хоть что-нибудь чувствуешь?

– Конечно – уши вот как заложило.

– Ну, ты, Женька, твердокожий! Столько лет не быть в родных местах!

Родные места встретили вечерней прохладой сибирского лета. В воздухе еле заметно пробивались давно позабытые запахи хвойного леса и каких-то трав. Приятели как замороженные стояли возле выхода из здания аэропорта. Перед ними располагалась площадь с припаркованными по краю машинами и автобусной остановкой. К остановке медленно подъехал автобус и, остановившись, распахнул двери.

Граба оживился:

– Смотри, 119-й до сих пор ходит! Давай на нём прокатимся. Вспомним былое.

Эжен согласился, но, зная Грабу, подумал, что тот просто хочет сэкономить на такси.

Автобус по пустынной вечерней трассе за полчаса домчал до города. Покружив немного по улицам, он остановился на центральной остановке. Друзья вышли и оказались лицом к зданию, на котором висела вывеска: «Отель «Сибирь»».

– Раньше была гостиница, а теперь отель. Цивилизация, – многозначительно сказал Граба. – Здесь и остановимся. У меня здесь одна хорошая знакомая работает.

Однако ни знакомой, ни цивилизации в отеле не оказалось. Знакомая давно уволилась, а номера, припудренные косметическим ремонтом подобно потёмкинским деревням, оставались на деле теми же самыми гостиничными, советскими. Из цивилизации были только цены на них. Осмотрев номера, Эжен поморщился:

– А что-нибудь поинтереснее за последнее время в городе появилось? – спросил он на ресепшене у небрежно одетой женщины со следами былой молодости на лице.

Та осмотрела их с головы до ног:

– Если вам некуда деньги девать, езжайте в «Магистрат», – скривилась она в неприязненной гримасе:

Заказав через неприветливую администраторшу такси, приятели вскоре были возле двухэтажного здания под старину со шпилем, искрящегося иллюминацией и большими золотыми буквами «Магистрат». На входе их встретил портень в форменной одежде. Приветливо улыбаясь, он распахнул перед ними двери и, подхватив багаж, провёл в уютный холл, не уступающий приличным европейским отелям.

В отличие от предыдущего «отеля» за стойкой приёма сидела миловидная и излучающая доброжелательность девушка. С очаровательной улыбкой она не то в шутку, не то всерьёз поинтересовалась о цели визита иностранных гостей, на что Граба важно ответил: «Бизнес». Девушка показала свободные номера. На сей раз Эжен остался доволен ценой-качеством услуг, и только бережливый Граба, переводя рубли в привычную для себя валюту, впал в негодование:

– Пятьсот шекелей за сутки! У них там что, унитазаы из золота?! Давай вернёмся в «Сибирь»!

Но когда Эжен сказал, что проживание берёт на себя, успокоился.

Компаньоны разместились в двухместном номере на втором этаже с видом на центральную площадь, на которой мирно соседствовали часовня и памятник непримиримому борцу с враждебными научному коммунизму течениями, к коим относилась религия, – вождю мирового пролетариата В. И. Ленину.

Утомлённые двумя перелётами, они, наскоро приняв душ, легли спать.

5

С утра их разбудил колокольный звон. Кроме часовни неподалёку располагался православный храм, на территории которого до недавнего времени размещался завод по производству галош. Ветер демократических перемен 90-х годов восстановил храму первоначальный статус, и теперь вместо шума станков и неприятного запаха округа наполнялась энергией любви и добра. К звону колоколов добавились сигналы мобильных телефонов. Обеспокоенные отсутствием вестей жёны компаньонов, точно между ними образовалась невидимая связь, почти одновременно набрали номера своих мужей. И если Стеллу в большей степени интересовало, не пьян ли Граба, то Аннет требовала от супруга скорейшего посещения кладбища. Эжен планировал было с утра заняться поиском картин, но Граба запротестовал:

– Старик, предки – дело святое.

Решив съездить на кладбище, они спустились в фойе. Эжен хотел позавтракать в местном ресторане, но Граба, изучив меню, заявил, что его организм не сможет принять яйца по цене доллар за штуку. Однако когда Эжен сказал, что платить будет он, организм Грабы напрягся и совершил подвиг – принял яичницу из четырёх яиц. При этом он высокопарно заявил:

– Только из уважения к тебе. Больше здесь мне кусок в горло не полезет.

Выйдя из отеля, Грабер уговорил Эжена немного пройтись по городу.

Ничего особенного за их долгое отсутствие не изменилось, разве что только попались на глаза пара новых современных зданий, а старые, слегка реставрированные, были сплошь отданы под магазины и увешаны рекламными щитами. Но в целом город производил приятное впечатление – улицы были чистые, люди опрятно и современно одеты. Граба жадно всматривался в лица прохожих:

– Как я устал по человеческим глазам!

– А разве в Израиле не люди живут?

– Да что там... – неопределённо махнул он рукой.

Добравшись до ближайшей остановки, друзья по настоянию экономного Грабы сели в автобус и, проехав через весь город, очутились на кладбище. Исходя вдоль и поперёк ряды погребений, они кое-как нашли на самом краю могилу прабабушки Аннет, обнаружив её в весьма жалком состоянии: земля по колено поросла травой, потрескавшийся памятник покоился, а почерневшая от времени оградка сплошь загажена птицами. Тишину последнего людского пристанища разрывал рёв бульдозера – извергая клубы чёрного дыма, он ровнял землю, приближаясь к могиле прародительницы Аннет. Не сговариваясь, приятели направились к нему. Эжен поднял руку вверх, и в совокупности с его представительным видом это возымело действие – бульдозерист заглушил адскую машину.

– Ты что творишь, животное?! – всплыл у Эжена опыт общения в 90-е годы.

– Тише, мы в чужой стране, – пытался успокоить Граба.

– Мы на своей земле!

Водитель проникся стилем общения и, побледнев, что-то лепетал о строительном подраде и директоре кладбища. Строго наказав ему не заводить машину до их прихода, приятели отправились на поиски руководства самого печального места на Земле. Найдя резиденцию погоста, компаньоны буквально ворвались в кабинет с табличкой «Директор» и сходу потребовали объяснений у сидящего за столом невысокого лысоватого мужчины с лицом, изъеденным оспой, и плутовато бегающими глазами. Он вначале было опешил, но быстро взял себя в руки и начал ссылаться на постановления городской администрации об уплотнении территории, а потом вовсе сменил тактику – жалостливым тоном заговорил о кризисе и недостаточности финансирования. Проницательный Эжен услышал его: достав бумажник, отсчитал десять

стодолларовых купюр и положил перед ним на стол. Рукой, похожей на птичью лапку, мужчина быстро схватил деньги и спрятал в ящик стола.

На этом вопрос был решён: мужчина достал из сейфа карту кладбища и, найдя на ней могилу прабабушки Аннет, сделал в ней какие-то изменения. А после довёз приятелей на своей машине до бульдозериста и, отведя того в сторону, что-то назидательно сказал, указывая на могилу, из чего можно было разобрать только: «... чтобы мне ни-ни» и «головой отвечаешь».

– Вы бы новый памятник поставили, – говорил он к приятелям, – а то могилка на заброшенную тянет, и по закону подлежит уничтожению. Пока я здесь, за ней присмотрю, но придёт другой – и тогда как знать... – смотрел он грустными глазами.

Эжен внял совету, и вёрткий директор довёз их до ритуального салона, расположенного прямо за воротами кладбища. Эжен сделал заказ на памятник и новую ограду. Срок исполнения работ был месяц и никакими денежными посулами уменьшению не подлежал.

«Месяц так месяц, – думал он, – виза позволяет, да и Аннет будет спокойна». О новом деле он решил ей пока не говорить.

– Вот кому дорога в Израиль, – восхищался Граба лихим директором, – тысячу долларов ни за что срубил, да ещё в свой салон привёз.

Эжен тут же позвонил супруге и вкратце обрисовал ситуацию, на что та долго выпытывала, какой будет новый памятник, и в конце дала согласие на задержку в Томске:

– Только пока не увидишь, что памятник поставили, никуда не уезжай.

Когда друзья вернулись в город, время было уже далеко за обед. Решив отложить дела до завтра, они зашли в одно из кафе (Граба наотрез оказался идти в ресторан) и, не то пообедав, не то поужинав, шли по тихой улочке в сторону отеля.

Граба, как ребёнок, крутил головой по сторонам, тихо улыбаясь сам себе. Возле одного из деревянных домов он неожиданно остановился:

– А вот это как раз кстати, – уставился он на вывеску подвального помещения. На ней крупными буквами было написано: «Клуб «Торшер» и висело объявление, что сегодня в клубе проводится кинодискуссия с участием кандидата искусствоведения Адой Бертуните. – Это моя двоюродная сестра, – гордо заявил Граба, – она в городе всех художников знает.

Они спустились в подвал и оказались в небольшом фойе, где за столом сидел мужчина в очках, напоминающий основателя знаменитой в 90-е годы финансовой пирамиды. Рядом с ним стояла стеклянная банка, набитая купюрами, с надписью: «Банк клуба «Торшер».

Мужчина приветливо улыбнулся:

– Добрый вечер, у нас вход платный, двести рублей, – и пододвинул к ним банку.

– Это стоимость билета? – поинтересовался Граба.

– Нет, что-то вроде добровольного пожертвования.

– Гениально, – шепнул Граба Эжену. – Ни одна фискальная полиция не докопается.

Компаньоны совершили денежный ритуал, и ловкий финансист провёл их вглубь помещения.

В небольшой комнате с дореволюционной обстановкой домов питерской интеллигенции (картины, стены с лепниной, стулья с вензелями, абажуры на круглых столах) царил творческая атмосфера. За столами сидели люди с налётом лёгкой экзальтированности на лицах и зачарованно смотрели на покачивающуюся из стороны в сторону в центре комнаты полную женщину с короткой стрижкой, неопределённого возраста. Хорошо поставленным голосом она о чём-то увлечённо рассказывала. Друзья сели на свободные места.

Проникновенная речь искусствоведа, подкреплённая выразительными движениями рук, завораживала: она то заламывала их, словно в молитве, то обращала к зрителям, то проводила по контуру тела, подчёркивая пышные формы, и напомнила камлающего шамана, приближающегося к стадии единения с духами природы. Однако экспрессивность подачи информации плохо вязалась со смыслом: сколько Эжен ни пытался понять, о чём идёт речь, так и не смог.

А речь шла о Каннском фестивале, из которого искусствовед надёргала кусков, и говорила о таких тонкостях, словно все присутствующие были его непосредственными участниками. Она то и дело перескакивала на неизвестные широкой публике фильмы, где находила смелые решения соединения несоединимого: мужского и женского, любви и ненависти, и даже иудаизма с мусульманством. Однако, несмотря на всю абсурдность, благодаря интонации и жестам антропологическая и религиозная химеризация казалась весьма убедительной. Имеющий опыт деловых переговоров Эжен даже позавидовал её способностям: «И впрямь, неважно – что, важно – как!» – восхищённо подумал он.

Разгорячённая речами, киновед ничего не видела перед собой, и только когда Граба поймал её взгляд, поперхнулась, изменилась в лице и замолкла. Переведя дыхание, она объявила перерыв. Слушатели стали разбредаться по комнате.

С улыбкой и распротёртыми объятиями Граба направился к сестре:

– Шалом, Ада!

– Здравствуй, Саша, – сухо произнесла она. – Какими судьбами?

Улыбка покинула Грабу:

– По делам. У тебя всё хорошо?

– Хорошо. А у тебя?

– Великолепно.

Разговор не клеился, что обычно бывает, когда люди говорят не то, о чём думают, и тогда вмешался Эжен:

– А у нас к вам дело.

Сказав, что их интересует живопись, он узнал у неё адрес художественного салона, хозяйкой которого была некто Тамара Рафаиловна Шумайлис, друг и кормилица всех художников города. Со слов Ады, Шумайлис тридцать лет занималась продажами картин, и как никто могла бы быть им полезной. Поблагодарив Аду, друзья покинули клуб и направились в отель.

– Интересные у вас отношения... – заметил Эжен.

– Это всё из-за Израиля. Меня подбила уехать, а сама не смогла, вот и обижается. Да и что ей там делать? Критиканов, пардон, искусствоведов там и без неё хватает.

Когда они подошли к отелю, дверь открыл невысокого роста черноволосый швейцар с усиками «а-ля мерзавчик». Он тут же спрятал лицо вниз и внимательно посмотрел им вслед.

6

На следующий день компаньоны были в художественном салоне. Тамара Рафаиловна, статная женщина в годах, с орлиным носом и причёской как у породистого пуделя, при виде гостей мило улыбнулась и сразу распознала в них приезжих:

– И откуда к нам приехали, гости дорогие?

– Да мы почти местные, – разглядывал Граба картины.

Возле незамысловатого пейзажа без подписи художника, больше похожего на этюд, он остановился:

– Кто автор?

– Это Катенька Морозова. Очень талантливая девочка, хотя ей только пять лет.

– Что-нибудь из её работ ещё есть?

– Работ было много, но месяц назад один искусствовед из Австрии все забрал.

Цена на картину по сравнению с другими была довольно высокая, но Граба даже не торгуясь купил её, что было на него не похоже.

– А где находится мастерская юной художницы?

– Видите ли, художники народ скрытный, и поэтому не в моих правилах без их согласия давать адреса.

– Понятно, но всё же, может, черкнёте адресок?

Тамара Рафаиловна наотрез отказалась дать адрес, и, забрав картину, друзья вышли из салона.

Глаза Грабера горели огнём:

– Какая Катенька Морозова?! Это же Ханс. Я как увидел – сразу понял. Уж мне-то не знать? Я на нём столько денег заработал. Точно – не зря приехали!

– Что, разве одного сюжета хватит?

– Женя, какие сюжеты? Китайцы давно весь рынок фотокартинами завалили. Ты уж прости, понесло меня по пьянке, а остановиться не смог. Я в этом Израиле так устал, что сил нет. Работаю с утра до ночи, а стакан пива даже не с кем выпить – все какие-то себе на уме... Вот и потянуло на родину. А здесь на тебе – Ханс! Мы, считай, уже десять раз поездку окупили. А если ещё его работы найдём – так и вовсе в шоколаде будем!

Пока Эжен переваривал услышанное, Граба взахлёб рассказывал о Хансе. Известный голландский художник Йозеф Ханс, цены на чьи картины с каждым годом росли как на дрожжах, слыл чудачком. Ему было абсолютно наплевать на деньги и интересно только вдохновение, которое искал, разъезжая по свету. Находил он его в забытых богом местах – непроходимых лесах, диких степях и неизведанных горах. Исчезнув на несколько лет, он внезапно появлялся в Европе с десятками первоклассных шедевров и, распродав за гроши, снова пропадал.

– Я уверен, что Ханс где-то здесь поблизости обитает. Его уже лет шесть как никто не видел, и если мы у него первыми всё заберём, то я куплю виллу рядом с тобой.

– Постой, а при чём тогда Катенька Морозова?

– Прodelки критиканов. Из творчества Ханса хотят новый бренд сделать, якобы в России появилась девочка-вундеркинд. Я когда услышал про искусствоведа из Австрии, сразу всё понял.

Звучало это весьма сомнительно, но Граба так убедительно говорил, что Эжен не только поверил ему, но и простил выходку с производством. Он когда-то слышал о Хансе и знал, что цена на его картину порой достигает пятидесяти тысяч долларов. «Это же сколько работ за шесть лет он мог написать?» – думал он.

Чтобы удостовериться в хитросплетённой версии, друзья всё же решили отыскать Катеньку Морозову. Граба позвонил Аде, и та сказала, что действительно есть такое юное

дарование, и даже дала его адрес. Через час они стояли перед дверью вундеркинда и звонили в звонок.

Дверь им открыла прекрасно сложенная женщина лет двадцати пяти, со следами порочности на лице – из-под обильного макияжа проступали одутловатость и мешки под глазами, а грубый голос выдавал заядлого курильщика:

- Вам кого?
- Катя Морозова здесь живёт?
- Нет её.
- А где она?

Женщина оказалась мамой Кати, и сказала, что та вместе со своей бабушкой уехала на Алтай.

- Простите, а зачем? – поинтересовался Граба.
- Рисовать. Туда художники со всего света съезжаются.
- Скажите, это Катина работа? – показал картину Граба.
- Не знаю. Рисованием с ней бабушка занимается. У вас всё? – И, не дожидаясь ответа, захлопнула дверь.

– Вот всё и сошлось! – констатировал Граба. – Ханс на Алтае рисует, а его картины за Катенькины выдают.

- А Хансу-то какая выгода?
  - Да какая блаженному выгода. Надо бы узнать, где там они собираются.
- Друзья вернулись в отель.

В холле навстречу им шёл невысокого роста черноволосый мужчина. Вглядевшись в его невзрачное лицо, украшенное аккуратными усиками, Граба расплылся в улыбке:

- Какие люди! Женя, смотри, кого нам бог послал!

А бог послал им Игоря Шумского, давнего приятеля, с которым они начинали играть в ансамблях и который потом пошёл работать в ФСБ.

- Здорово, мужики, – произнёс божий посланник.
- Ты здесь как, по службе? – подмигнул Граба.
- Со службой давно покончено.
- Так, а где сейчас?
- До сегодняшнего здесь работал.
- Интересно... Ты подожди, надо бы это обсудить.

Граба сходил в номер, оставил картину и вернулся в холл.

- Есть здесь поблизости приличное заведение, чтобы покушать и так далее?
- Разве что «Золотое ущелье».

Они вышли из отеля, и буквально через пять минут Шумский привёл в небольшой трактир. Скрупулёзно изучив меню, Граба пробормотал: «Годится», и сделал заказ.

Вскоре под закуски с холодной водкой завязалась беседа.

Граба рассказал, что они с Эженом уехали из страны, и принялся расспрашивать Шумского:

- Что из органов-то ушёл?
- Из-за романтики. Думал, там боевое братство, все друг за друга, а на деле как и везде – вроде все равны, но есть равнее. В общем, надоело за сынков генералов под пулями бегать в горячих точках.

Граба сочувственно вздохнул:

– А ведь я тоже на романтике погорел – наслушался песен об избранности иудейской, а на деле оказалось – избраннее тот, у кого пейсы длиннее. А кого их нет – тот и вовсе не еврей...

Слегка захмелевший Шумский лукавил. Ни по каким горячим точкам он не бегал и из органов не уходил. Его попросту уволили за излишнюю самостоятельность и использование недозволительных методов. Он занимался тем, что привлекал к расследованиям экстрасенсов, парапсихологов, хиромантов и прочую околонаучную публику. И хотя «помощники» иногда и давали полезную информацию, что было скорее случайностью, подшить к делу её было нельзя. Ну как можно юридически оформить показания какой-нибудь гадалки бабы Веры или шамана Толи, пусть даже они помогли найти американского шпиона? В конце концов начальству выкрутасы Шумского надоели, и после одной из медицинских комиссий его тихо уволили.

– А в отеле что не работается?

– Да не моё это дело – халдеем быть.

И опять Шумский лукавил. После ухода из ФСБ, устроившись на должность швейцара в «Магистрат», он по инерции продолжал вести разведывательную деятельность. Обнаружив в одном из номеров подслушивающие устройства бывших коллег (отель часто посещали иностранные гости), он рядом поставил свои. Когда технический отдел их нашёл, директору отеля позвонили из управления ФСБ и настоятельно попросили избавиться от Шумского. И вот сегодня директор, женщина, несомненно, творческая (до работы в отеле возглавляла музыкальное училище), вызвала его и, однозначно проявив креативный подход к формулировке, сказала, что он уволен, так как не соответствует изменившимся требованиям к сотрудникам, а именно – не владеет китайским языком. Игорюня сразу понял, откуда ветер дует, и оспаривать решение не стал.

Слушая приятелей, Эжен ощущал, что из главного героя, кем до последнего времени себя считал, превращается во второстепенный персонаж. Граба полностью взял в свои руки инициативу – говорил тосты, шутил с официанткой и то и дело заказывал водку, как в старые добрые времена.

Несмотря на то, что до вечера было ещё далеко, на сцене появился рыжеволосый человек с испитым лицом и трубой в руках и, включив фонограмму, заиграл заунывную мелодию, чем сразу привлёк внимание Грабы:

– Кто это?

Теперь сочувственно завздыхал Шумский:

– Витька Косуля. Тоже на романтике сгорел: думал, всю жизнь будет в военном оркестре на парадах играть, и вот...

В этот момент Витька выдал такого петуха, что женщины за соседним столом вздрогнули, а спешившая с подносом официантка чуть не упала.

– А вам что по заграницам не сидится?

– Художника здесь одного ищем, Йозефа Ханса, может, слышал?

– Как не слышать, лет пять назад всем отделом его искали.

И хотя водки было выпито достаточно, Граба вмиг протрезвел:

– Нашли?

– Я бы нашёл, да только начальство... Бюрократы несчастные! – разошёлся Шумский. – Не понимают, что для розыска любые средства годятся. У меня такие люди есть, что чёрт не спрячется!

Выкрики бывшего разведчика начали привлекать внимание посетителей, и чтобы его успокоить, Граба трижды заказывал мелодию из фильма «Семнадцать мгновений весны». Первый раз Витька объявил её для майора Шумского, затем для полковника, а третий – для генерала. С каждым новым званием усы Шумского шевелились, распушались, и из формы «а-ля мерзавчик» постепенно трансформировались в «а-ля Будённый». Внезапно «генерал» изъявил желание спеть. Граба договорился с трубачом, Игорюня вышел на сцену и объявил в микрофон, что сейчас будет петь маршал России. В эту минуту усы уже было нельзя отличить от усов

Семёна Михайловича, и, перевирая слова, он заблажил во всё горло: «Я в весеннем лесу пил берёзовый сок...».

Когда пение закончилось, если только это можно было назвать пением, в зале раздались жидкие аплодисменты, но для Шумского и такого признания было достаточно: он сошёл со сцены, точно Будённый с коня после парада, и нетвёрдой походкой вернулся за стол. Налив полный фужер водки, залпом выпил и, прищурился одним глазом, победоносно смотрел по сторонам.

Граба, многозначительно подмигивая, то и дело подливал водку, пытаясь узнать у Шумского о Хансе. Поняв его замысел, Эжен включился в операцию и не пропускал ни рюмки. Но разведчиков, хотя и бывших, на мякине не проведёшь: Шумский ловко уходил от навязываемых вопросов и продолжал ругать начальство, а может, просто был пьян и не слышал их. В результате застольного допроса его жертвой пал Эжен – последнее, что он услышал, были слова Грабы ему на ухо: «Его нельзя отпускать».

7

Когда Эжен пришёл в себя, обнаружил, что находится в номере. На соседней кровати, сложив руки на груди, как у покойника, разлёгся Граба. На полу, свернувшись калачиком, громко сопел Шумский, отчего его усы, необыкновенно отросшие со вчерашнего дня, развевались, точно бельё на ветру. Вокруг валялись пустые бутылки, куски колбасы и купленная вчера картина, припорошённые рыбьей чешуёй, что на фоне презентабельной обстановки номера (несколько лет назад в отеле останавливался канцлер Германии) вполне могло сойти за последнее перформанс элитных художников. Увиденное включило память: после трактира они зашли в магазин, купили водки, продуктов и пришли в отель, где Граба продолжил допрос. Под хвалебные речи о музыкальном даре Шумского ему всё же удалось кое-что узнать. Игорюня рассказал, что несколько лет назад Ханс приехал в Томск и, просрочив визу, пропал. Розыском занялось местное отделение ФСБ. Официальные поиски результатов не дали, тогда Шумский привлёк к розыску знакомого парапсихолога, и тот указал направление, где может находиться художник. Однако начальство не приняло информацию всерьёз, и Ханс до сих пор считается без вести пропавшим. В доказательство Шумский пытался звонить парапсихологу, чтобы тот приехал, но постоянно попадал на какую-то Марину и требовал, чтобы та немедленно явилась к ним, а иначе завтра он вызовет её повесткой. Но ни Марина, ни тем более парапсихолог так и не появились, и тогда Шумский, заявил, что если у них есть вещь, принадлежащая Хансу, то он сам его найдёт, так как обладает экстрасенсорными способностями. Граба дал ему картину. Шумский вертел её во все стороны, ногтем сковыривал краску, нюхал и даже пробовал на вкус, но безрезультатно – нахождение Ханса ему не открылось. Тогда он стал показывать приёмы рукопашного боя. Но не то от долгого отсутствия тренировок, не то от большого количества выпитого у него ничего не получалось, и Граба раз за разом укладывал его на лопатки.

Эжен поднялся с кровати и собрался будить приятелей, как у Шумского в кармане брюк зазвонил телефон. Не открывая глаз, он достал телефон и поднёс к уху:

– Майор Шумский. Кто? Мишаня? Нет, не звонил. Четырнадцать пропущенных вызовов? – открыл он глаза и, увидев картину, наморщил лицо. – А, точно, – стукнул себя по лбу, – звонил. Извини, что-то заработался вчера. Сейчас можешь к «Магистрату» подъехать? Дело есть. Жду.

Он резво вскочил с пола, точно и не было вчерашнего застолья:

– Здорово, Жека! Ну что, надо будить этого хорька, – смотрел он на Грабу, – а то сейчас Насюта приедет.

– Кто?

– Мишка Насютин, парапсихолог. Сейчас мигом вашего художника отыщем.

«Когда же они протрезвеют?» – подумал Эжен и, тем не менее, вместе с Шумским принялся тормошить Грабу.

Тот долго сопротивлялся: закрывал лицо руками, что-то бормотал и не хотел просыпаться, но настойчивость приятелей сделала своё дело – он открыл глаза:

– Игорюня, ты смерти моей желаешь? Дай поспать, а то и так вчера своим кун-фу чуть не убил.

Когда Шумский сказал, что сейчас придёт парапсихолог, Граба нехотя поднялся с кровати:

– Сходите кто-нибудь за пивом.

Шумский категорично возразил, сказав, что алкоголь вызывает в людях низкие энергии и это может помешать работе парапсихолога. Приблизительно через полчаса у него зазвонил телефон. Бросив в трубку: «Иду», Шумский вышел из номера и вскоре вернулся с высоким мужчиной в изрядно поношенном пиджаке, в очках, с пышными усами и торчащими во все

стороны седыми волосами, отдалённо напоминающими шевелюру не то Эйнштейна, не то Бетховена.

– Знакомьтесь. Михаил Насютин, – представил его приятелям Шумский.

При виде беспорядка в номере, Насютин еле заметно поморщился:

– Приветствую. Что за дело-то?

Шумский сказал, что опять встал вопрос по Хансу.

– А, помню. Тогда он хорошо просматривался.

Он говорил с лёгким французским прононсом, чем вызвал интерес Грабы:

– Извините, вы никогда в Израиле не бывали?

– Нет, но при случае съезжу. А что, Ханс так и не нашёлся?

– Да это начальство... – начал было объяснять Шумский, но Насютин его остановил:

– Ясно. Из вещей его что-то есть?

– Есть, – кивнул Шумский на картину.

Насютин сказал, что здесь плохая атмосфера и надо ехать к нему.

Компания, прихватив с собой картину, покинула номер и, выйдя из отеля, Насютин подвёл их к припаркованному на стоянке «Лексусу» последней модели. Теперь уже Эжен с интересом смотрел на парапсихолога:

– Давно покупали?

– Это благодарность клиента.

Они сели во внедорожник и вскоре были возле невзрачного здания со скромной вывеской: «Медицинский центр «Парма». Однако внутри интерьер соответствовал далеко не самым плохим европейским клиникам, и Эжен ещё больше проникся уважением к Насютину.

– Ого, смотрю, пошли у тебя дела, – оглядывался по сторонам Шумский.

– Да нет, спонсоры помогли, – нехотя сказал Насютин.

Михаил Александрович Насютин, невролог по профессии, разочаровался в официальной медицине, и в послеперестроечное время, когда всё стало разрешено, увлёкся альтернативными методами лечения. Начал с иглоукалывания и дошёл до биоэнергетики и парапсихологии. Чтобы повысить свой внутренний потенциал, он медитировал, лежал на иголках, делал дыхательные упражнения и качал энергию из космоса. В процессе тренировок неожиданно открылись необычные способности: он мог лечить на расстоянии, находить пропавшие вещи, и ещё много чего. Интуиция подсказывала, что брать за это деньги нельзя, но далеко не бедные мистически настроенные клиенты, с которыми по преимуществу он старался вести дела, считали, что ничего за просто так не бывает – за «бесплатно» платит бес, который потом возьмёт вдвойне. И благодарили, как могли – то машину подарят, то сертификат тысяч на сто, то ремонт сделают, что Насютин принимал не как плату, а как спонсорскую помощь.

В небольшом помещении царил стерильная чистота. В центре стоял стол, а в углу какой-то странной конструкции прибор, высившийся до потолка, напоминающий гигантский фотоувеличитель старых времён.

– Что это? – спросил Шумский.

– Эишка – энергоинформационный идентификатор. Так что, значит, ищем, – полез он в ящик стола.

Он достал карту, разложил её на столе и, взяв у Шумского картину, положил рядом. Лево́й ладо́нью начал водить над картиной, словно гладил спину невидимого кота, опускаясь всё ниже, и наконец плотно прижал её к холсту. В этот момент правой рукой провёл по воротнику пиджака, и неизвестно откуда в ней появилась иголка с ниткой. Взяв за кончик нитку, он подвесил иголку над серединой карты. Всё это напоминало трюки пляжных фокусников, и Эжену даже стало неудобно за Насютина, но то, что произошло дальше, если не поразило, то вызвало глубокое недоумение: иголка сама сдвинулась в сторону, таща за собой нитку, и, нарушая законы физики, замерла под углом. Насютин сместил нитку параллельно иголке,

и та встала остриём вниз. А затем и вовсе произошло что-то невероятное: он отпустил нитку, и она вместе с иглой зависла в воздухе. Это не было похоже ни на один виденный трюк; Эжену стало казаться, что время остановилось. В этот момент Насютин убрал ладонь с картины, и иголка, точно стрела, выпущенная из арбалета, ринувшись вниз, воткнулась в карту.

– Так, – склонился над столом Насютин. – Ну вот, художник ваш сейчас в нескольких километрах от Артыбаша. Точнее сказать не могу, масштаб не позволяет, – развёл он руками.

– Это где? – спросил Эжен.

– На Алтае, – включился в разговор Граба. – Я в восьмидесятые года всю Сибирь до Дальнего Востока с гастролями проехал.

Приятели поблагодарили Насютина и вышли из центра.

– Можете даже не сомневаться, – говорил Шумский, – если Миша сказал, то так и есть. А вам Ханс зачем нужен?

– Выставку ему организовать хотим, – быстро нашёлся Граба.

– Понятно. Как найдёте его, так обязательно мне сообщите.

– Непременно.

Граба записал номер Шумского и, попрощавшись, они разошлись в разные стороны.

Пройдя несколько шагов, компаньоны услышали голос Шумского:

– Мужики! А у меня правда неплохо получается?

– Что? – оглянулся Граба.

– Петь.

– Вот так! – поднял он вверх большой палец. – Потом обсудим.

До отеля было недалеко, и друзья пошли своим ходом.

– Я во всю эту чепуху не очень-то и верю, – говорил Граба, – но и мать этой Катеньки говорила про Алтай, что подтверждает мои предположения. Сейчас точно узнаем, – достал он телефон. – Алло, Ада? Ты знаешь, где на Алтае местные художники тусуются? Что? Спасибо, – отключил он телефон. – Представляешь, Ада сказала, что на Алтае есть художественная мастерская и находится она под Ардыбашем. Я теперь на сто процентов уверен, что Ханс там. Ай да Миша, ай да иголочки! И как только контора Шумского не смогла его найти? Всё, завтра едем туда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.